

ПРОТОІЕРЕЙ МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

(Окончаніе)¹⁾.

Когда вѣсть о внезапной кончинѣ о. Михаила огласилась, къ его смертному ложу со всѣхъ сторонъ спѣшили его знающіе: простой народъ массами шель проститься съ нимъ. Въ тотъ же день вѣсть о его кончинѣ достигла Москвы. Можно себѣ представить, какую глубокую скорбь вызвала она въ сердцахъ тѣхъ, кто зналъ, почиталъ и любилъ о. Михаила! Нѣкоторые изъ нихъ, уже зная, что онъ скончался, получили въ среду (28 апрѣля) отъ него письма, писанные видимо—за нѣсколько часовъ до его кончины... Въ одномъ изъ нихъ сердобольный о. Михаилъ между прочимъ дружески просить начальницу Ф. училища — не быть строгою на экзаменахъ: „вѣдь экзамены знанія не прибавятъ“, говоритъ онъ... Это письмо было прочитано уже тогда, когда телеграмма извѣстила о кончинѣ о. Михаила и училище успѣло уже принести первую свою молитву объ упокоеніи души своего бывшаго пастыря и руководителя.

Первою мыслию москвичей было — похоронить дорогой прахъ отца протоіерея въ Москвѣ. Съ такимъ намѣреніемъ его братья и отправились въ Петербургъ. Преосвященный Гурій, предсѣдатель Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, съ любовію разрѣшилъ похоронить о. Михаила, какъ своего помощника, въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, настоятелемъ коего онъ состоялъ. Онъ самъ совершилъ отпѣваніе о. Михаила въ церкви Милующей Божіей Матери, въ которой почившій проповѣдывалъ. И вотъ, въ пятницу, 30 апрѣля, мы встрѣчали нашего дорогого москвича на вокзалѣ

Николаевской желѣзной дороги. Къ 6 часамъ вечера на платформѣ этого обширнаго вокзала собрались его ученики, друзья и почитатели. Изъ ближайшей церкви принесены крестъ и хоругви, священнослужители были въ бѣлыхъ облаченіяхъ. Во главѣ ихъ сталъ о. ректоръ московской духовной семинаріи и нижеподписавшійся. Тихо подошелъ поѣздъ съ траурнымъ вагономъ въ концѣ. Когда вагонъ былъ открытъ, туда вошелъ инспекторъ Филаретовскаго епархіальнаго училища, преемникъ о. Михаила по служенію, и сказалъ теплое слово привѣта. Позади слышались плачь и рыданія: это плакали воспитанницы училища, вышедшіе встрѣтить своего дорогого „батюшку“. Послѣ краткой литіи одна изъ нихъ, едва сдерживая слезы, прочитала предъ дорогимъ гробомъ рѣчь, въ которой излила скорбь своихъ подругъ... Открылось шествіе—чрезъ всю Москву, на протяженіи около десяти верстъ, въ Донской монастырь. У попутныхъ церквей гробъ встрѣчало духовенство съ хоругвями, служило литіи; ученики образцовой церковно-приходской школы при духовной семинаріи провожали пѣніемъ *Христосъ Воскресе...* А до Харитоніевскаго переулка, гдѣ находится Филаретовское училище, пѣли воспитанницы этого училища. Въ виду училища стояли всѣ прочія воспитанницы: тутъ также совершена литія. Уже было поздно, и ночь покрывала обитель Донскую, когда къ ней приблизилось шествіе. До 20 литій совершено было на этомъ долгомъ пути. Масса народа сопровождала гробъ, по всему пути раздавался церковный звонъ...

¹⁾ См. № 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8 и 9.

У св. вратъ обители шествіе встрѣтилъ о. намѣстникъ архимандритъ Власій съ архим. Алексіемъ и братією и совершили литію. А когда гробъ внесенъ былъ въ соборъ и поставленъ на мѣсто, я обратился къ почившему съ пасхальнымъ привѣтомъ:

„Дорогой нашъ отецъ Михаилъ,
Христось воскресе!“

Думали ли мы встрѣчать тебя этимъ свѣтлорадостнымъ привѣтомъ воскресенія—въ такой глубоко-печальной обстановкѣ?.. Ахъ, какъ скоро сбылось твое слово, что писалъ ты мнѣ недѣли три-четыре назадъ: „показалась послѣдняя грань... и можетъ быть близко... Буди воля Божія“... Вотъ и совершилась надъ тобою эта воля Божія, и переступилъ ты эту послѣднюю таинственную грань, и мы встрѣчаемъ тебя слезами, чтобы проводить на вѣчный покой. Прости намъ эти слезы: онѣ такъ естественны.. Вѣдь Самъ Живодавецъ плакалъ надъ гробомъ друга Своего Лазаря.. Но и сквозь эти слезы мы все же говоримъ тебѣ: *Христось воскресе!* Пусть безмолствуетъ сей гробъ, заключающій бранные, но для насъ драгоценные твои останки: мы сердцемъ слышимъ твое отвѣтное: *воистину воскресе!* Ахъ, какъ больно этому сердцу чувствовать, что не можемъ мы прижать тебя къ этому сердцу, заключить тебя, нашего дорогого, нашего незабвеннаго о. Михаила, въ свои братскія и дружескія объятія!.. Но надобно помнить твое же слово: „буди воля Божія!“

Гряди же, почій отъ трудовъ своихъ, труженикъ нивы Божіей неуспынный! Пусть намъ кажется, что день твой не достигъ и шестого часа: небесный Домовладыка исчислитъ тебѣ полный день труда. Вѣдь Онъ и дѣяніе пріемлетъ, и намѣреніе цѣлуетъ,

и предложеніе хвалить. Блаженъ убо путь, въ онъже идиши днесъ, дорогой нашъ!

А мы будемъ искать себѣ утѣшенія въ молитвѣ за тебя. Вѣдь такъ сердцу отрадно молиться за того, кто близокъ сердцу... И въ этой молитвѣ будемъ укрѣплять надежду, что когда настанетъ и для насъ послѣдній часъ—а кто знаетъ? можетъ быть онъ уже и не далекъ отъ насъ?—ты встрѣтишь насъ за той таинственною гранью, которую ты уже перешель, встрѣтишь и тогда мы не разлучимся съ тобою уже никогда!“...

Послѣ этой рѣчи изъ олтаря вышелъ преосвященный Антоній, живущій на покоѣ въ Донскомъ монастырѣ, и отслужилъ панихиду. На другой день заупокойную литургію совершилъ преосвященный Тихонъ, епископъ Можайскій, въ сослуженіи архимандритовъ Паренія и Никона, и родственниковъ почившаго, а на панихиду прибылъ самъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Владиміръ. Вмѣсто причастнаго стиха было сказано слово священникомъ І. Ѳ. Мансветовымъ, редакторомъ „Московскихъ Церк. Вѣдомостей“, въ которыхъ почившій одно время принималъ самое горячее участіе. По совершеніи панихиды, въ которой кромѣ митрополита участвовали оба вышеупомянутые преосвященные, четыре архимандрита, протопресвитеръ Успенскаго собора и многіе изъ духовенства московскаго, тѣло было вынесено на плечахъ священнослужителями, сыномъ и братьями покойнаго и опущено въ могилу. Надъ открытою могилой одинъ изъ братьевъ сказалъ послѣднее, полное сердечнаго горя, прощальное слово, а послѣ него одинъ изъ учениковъ его, отъ лица всѣхъ своихъ товарищей, сказалъ рѣчь, въ которой охарак-

теризоваль о. Михаила, какъ преподавателя исторіи и закона Божія. Съ болью сердца еще разъ взглянули мы на дорогой гробъ и онъ навсегда скрылся въ нѣдрахъ земныхъ...

Сбылось завѣтное желаніе почившаго. Когда-то онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „я не могу забыть своего дѣтства, не могу забыть праздниковъ Рождества, Святой недѣли. Не могу забыть душевнаго волненія, когда ночью въ Рождество, на Страстной или Святой недѣлѣ подымали насъ къ божественнымъ службамъ. О, дивныя, дорогія, неизгладимыя воспоминанія! Утренняя Великой субботы... Еще темно... Идемъ въ нашъ сельскій храмъ... Холодно, но душа въ радостномъ волненіи... Таинственныя пѣсни канона: „Волною морскою“... Я не понималъ ихъ смысла, но онѣ поразительно дѣйствовали на душу. Признаюсь, я желалъ бы навсегда остаться при моемъ дѣтскомъ непониманіи и при прежнемъ трепетномъ чувствѣ. Крестный ходъ вокругъ церкви съ плащаницею и свѣчами. Уже свѣтлѣло... Уже было „свѣтаючи“... Возвращеніе домой... Я любилъ палочкой разбивать тонкій ледъ, образовавшийся за ночь, и наблюдать, какъ струится весенняя вода. А ночь Свѣтлаго Христового воскресенія! Но развѣ все выскажешь? Порой мнѣ приходитъ мысль: какъ я желалъ бы умереть? А вотъ какъ: въ моментъ смертнаго часа я желалъ бы, чтобы пѣвчіе пѣли пѣсни канона Великой субботы и дивнаго Пасхальнаго. И такъ бы заснуть, слушая небесные, родные, дорогие, незабвенные звуки“.

И вотъ эти родные, незабвенные звуки пасхальныхъ пѣснопѣній, торжествуя надъ смертью, радостно раздавались надъ его гробомъ, его могилой...

Почивай же подъ эти дивные звуки, дорогой о. Михаилъ, до радостнаго утра всеобщаго воскресенія!

Вѣчная тебѣ память, дорогой другъ, братъ, сотрудникъ и сомолитвенникъ! Твой свѣтлый образъ не умретъ въ нашихъ сердцахъ дотолѣ, пока паки не узримъ мы тебя—въ будущей жизни, о чемъ и будемъ молиться, пока пребываемъ въ семъ земномъ странствованіи... А пока пусть звучитъ въ нашей душѣ, какъ твой завѣтъ, эти слова твои, слова, въ тоже время изображающія весь подвигъ и твоей собственной жизни:

„Всякое истинно живое дѣло творить любовь, святое одушевленіе, окрыленное молитвой и надеждой на помощь свыше. И такой трудъ изъ любви къ дѣлу, изъ послушанія святой волѣ Божіей, такой трудъ, даже тяжкій, трудъ безъ отдыха, изнурительный, трудъ-страда, трудъ съ лишениями, съ бессонными ночами, со слезами, никогда не очерствитъ сердца, не озлобитъ, напротивъ, дастъ труженику такія утѣшенія, о которыхъ не смѣютъ и мечтать изнѣженные роскошью и лѣнью. Такой трудъ приведетъ къ Тому, Кто произнесъ эти чудныя божественныя слова: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные!“ (Мѡ. 11, 28).

И еще—это теплое слово къ дѣтямъ, которыхъ ты такъ горячо любилъ, воспитанію коихъ такъ много отдалъ своей жизни:

„Растите, дорогія русскія дѣти, растите, какъ роза, растущая на полѣ при потокѣ, издавайте благоуханіе, какъ ливанъ; цвѣтите, какъ лилія, и пойте пѣснь, благословляйте Господа во всѣхъ дѣлахъ, величайте имя Его и прославляйте Его хвалою Его, пѣснями устъ и, прославляя, говорите такъ: „всѣ дѣла Господа весьма благо-

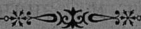
творны, и всякое повелѣніе Его въ свое время исполнится!“ (Сир. 39, 16—21).

Вскорѣ послѣ кончины о. Михаила мы получили отъ одного изъ почитателей почившаго письмо, полное глубокаго сочувствія нашей скорби и заканчивавшееся стихами, которые мы и приводимъ здѣсь:

„Пусть міръ загробный и далеко,
Но близки души дорогихъ;
Пусть ихъ не видитъ наше око,
Но сердце слышитъ рѣчи ихъ:

„И видѣ, и жизнь, въ насъ все иное,
И лучше намъ, что мы ушли,—
Но все же помнимъ мы былое
И нашихъ спутниковъ земли.
Мы не совсѣмъ разстались съ вами,
Мы принимаемъ съ вышины,
Когда намъ свѣтите лучами
Любви, молитвы, тишины.
Любовь родная окриляетъ
Молитву вашу въ небеса;
Она намъ душу орошаетъ,
Какъ землю свѣтлая роса...“

Архимандритъ Нинонъ.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина.

(Продолженіе) ¹⁾.

28 Октября. До сегодня я шеголялъ въ холодныхъ сапогахъ, отчего, конечно, ужасно костенѣли ноги, а нынѣ мнѣ отецъ привезъ теплые. Вотъ благодать-то! Хорошо теперь ногамъ, тепло, только начинаютъ прозябать мои грѣшныя тѣлеса: поддѣвчѣнка моя изнасилась, пиджакъ тоже въ лохмотья истрепался. На прошлой недѣлѣ я даже пропустилъ статью: „Примѣты лѣниваго крестьянина“, не задавъ ее ученикамъ для чтенія. И по очень простой причинѣ: тамъ есть фраза такого рода: „у лѣниваго крестьянина всего одинъ зипунъ, да и тотъ въ дырахъ“. Эта-то фраза меня и заставила пропустить всю статью, а то при объяснительномъ чтеніи станешь читать ее ученикамъ, а они, шельмецы, очень просто подумаютъ: „а у нашего учителя одинъ пиджакъ, да и тотъ въ дырахъ“. Впрочемъ у меня это не отъ лѣни, но отъ недостатка

финансовъ, а всетаки не ловко. Ну, да тужить-то очень не буду: въ грядущемъ и новый пиджакъ сошью, тогда и статью пройду.

29 Октября. Вчера вечеромъ чай у меня вышелъ весь, а нынѣ утромъ самоваръ все таки я себѣ скипятилъ. Что дѣлать? привыкъ. Въмѣсто чая заварилъ богородицкую травку, которая, по словамъ моей бабушки, очень „скусна“. Вкусна-то она-вкусна, да только отъ нея у меня всю грудь застилаетъ, и я, выпивъ одинъ стаканчикъ настоя этой „скусной“ травки, не сталъ болѣе пить, а сегодня вечеромъ вынужденъ былъ пить одинъ кипятокъ. И поневолѣ сталъ я „отчаянный“, какъ называютъ наши раскольники людей, пристрастныхъ къ чаепитію. Но я скоро буду и „отсахаренный“, потому что и этого продукта у меня всего дня на три.

31 Октября. Наступили ужасные морозы, а нынѣ еще всю ночь бушевала

¹⁾ См. № 7, 8 и 9.